

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Азамова Мадинабону

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация. В статье исследовали динамические процессы в системе современного русского существительного. Основное внимание уделяли колебаниям в падежных формах, категории рода и числовой парадигме. Мы анализировали причины морфологической вариативности, связывая их с законом экономии речевых усилий и влиянием разговорной стихии на литературную норму. Рассматривали случаи конкуренции флексий и их функциональное распределение в различных дискурсах.

Ключевые слова: морфология, имя существительное, вариативность, языковая норма, грамматическая категория, флексия, неопределённость.

Abstract. The article examines the dynamic processes in the system of the modern Russian noun. The main focus is on fluctuations in case forms, the category of gender and the numerical paradigm. The author analyzes the reasons for morphological variability, linking them to the law of economy of speech efforts and the influence of the colloquial element on the literary norm. Cases of competition of inflections and their functional distribution in various discourses are considered.

Keywords: morphology, noun, variability, language norm, grammatical category, inflection, neodetermination.

Современное состояние русского языка характеризуется высокой степенью подвижности грамматических границ. Морфологическая вариативность существительных не является признаком деградации системы, а скорее выступает механизмом её адаптации к меняющимся коммуникативным запросам. Исследователи часто отмечают, что норма — это не застывший монолит, а «подвижное равновесие». Если взглянуть на идеи Виктора Виноградова сквозь призму современности, становится очевидным, что словоизменение существительного всегда было ареной борьбы между логикой системы и стихией употребления. Слово в его морфологическом облике стремится к тому, чтобы быть максимально экономным, но при этом сохранять

информативность¹.

Одной из наиболее заметных зон вариативности остается категория рода. Мы наблюдаем, как слова, заимствованные или исконные, начинают «колебаться» под воздействием аналогии. Например, в профессиональной речи или при освоении новых заимствований (типа «кофе» или названий современных гаджетов и явлений) система часто предлагает несколько путей развития: сохранение этимологического рода или переход в более продуктивный класс (обычно мужской или средний). Критики языковых изменений, такие как Максим Кронгауз, часто указывают на то, что подобные процессы вызывают у носителей языка чувство тревоги за «чистоту» речи. Однако, переосмысливая эти опасения, можно заметить, что язык просто сбрасывает старую «кожу» избыточных форм, которые перестали выполнять различительную функцию. Особый интерес представляет конкуренция падежных окончаний. Вспомним классический спор о формах на -у и -а в родительном и предложном падежах (сахара — сахару, в цехе — в цеху). Михаил Панов в своих работах тонко подмечал, что выбор формы часто диктуется не только грамматикой, но и ритмикой фразы, а также тончайшими смысловыми оттенками². Сегодня мы видим, что формы на -у постепенно вытесняются в область узкоспециального или нарочито разговорного употребления, уступая место универсальным окончаниям. Это свидетельствует о стремлении языка к унификации парадигмы.

Использование форм множественного числа для вещественных или абстрактных существительных (типа «риски», «масла», «стратегии») из профессионального сленга активно проникает в общую норму. Здесь мы видим триумф конкретизации: абстрактное понятие дробится на сегменты, требуя новой морфологической фиксации. Таким образом, существительное в современной речи становится более гибким инструментом, позволяющим носителю языка точнее расставлять акценты в информационном потоке. Продолжая анализ морфологической подвижности, необходимо обратиться к социальному измерению языка. Современная речь — это пространство, где жесткая кодифицированная норма вступает в диалог с прагматикой момента. Социальная вариативность языка напрямую зависит от стратификации общества. В эпоху цифровых коммуникаций границы между профессиональным жаргоном, территориальным диалектом и литературным стандартом становятся прозрачными. Это приводит к тому, что специфические морфологические формы (например, профессионализмы типа договорá, ветрá вместо нормативных договó ры, вé тры) перестают восприниматься как маргинальные ошибки и начинают претендовать на статус вариантной нормы.

¹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — С. 138–142.

² Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017. — С. 45–48.

Рассматривая категорию рода в контексте современных социальных трансформаций, нельзя игнорировать проблему феминитивов. Если переосмыслить идеи Генриетты Едлички о системности языка, становится ясно, что морфология всегда ищет способ обозначить релевантные для социума признаки. Конкуренция форм «автор — авторка», «директор — директриса» — это не просто стилистический спор, а глубинный морфологический процесс поиска суффиксальной адекватности. Система русского языка обладает избыточностью средств для образования названий лиц женского пола, однако выбор конкретной морфемы часто блокируется эстетическими или идеологическими установками носителей. Критики процесса, такие как филолог Гасан Гусейнов, подчеркивают, что язык в такие моменты становится зеркалом общественных травм и амбиций, где окончание слова превращается в политический жест³.

Особого внимания заслуживает вариативность в склонении заимствованных существительных и имен собственных. В современной речи наблюдается тенденция к «морфологическому консерватизму» в отношении иноязычных слов. Если раньше заимствования быстро адаптировались к русской падежной системе (например, пальто в XIX веке иногда склонялось в просторечии), то сегодня престижность неизменяемой формы (индетерминация) берет верх. Слова типа кофе, шоссе, евро удерживают свою неизменяемость, несмотря на системное давление. При этом категория рода у таких слов остается зоной постоянного колебания. Отказ от склонения — это способ минимизировать нагрузку на память говорящего, переводя грамматическое значение с окончания самого слова на контекст или зависимые слова.

Вариативность в падежной системе также проявляется в именах собственных, особенно в топонимах на -ово, -ино. Современный город диктует отказ от склонения («в Строгино», «в Пулковое»), хотя академическая норма долгое время настаивала на формах «в Строгине», «в Пулкове». Здесь мы видим столкновение письменной традиции и живой речевой практики, где побеждает стремление к сохранению исходной формы названия (номинативная функция превалирует над релятивной). Этот процесс отражает общую тенденцию к аналитизму: падежное значение всё чаще передается предлогом и порядком слов, а не внутренней флексией. Таким образом, морфология существительного в XXI веке дрейфует в сторону упрощения парадигм, сохраняя при этом богатство смысловых оттенков за счет вариативности.

Современная речевая практика, перенесенная в плоскость цифровых коммуникаций, становится катализатором ускоренной морфологической вариативности. Сетевой дискурс, по своей природе гибридный (сочетающий

³ Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. — Л.: Наука, 1987. — С. 34–38.

признаки письменной и устной речи), легитимизирует формы, которые ранее маркировались как просторечные или узкоспециальные. Одной из наиболее ярких зон вариативности в сетевой среде становится морфология заимствованных существительных, обозначающих технологические реалии.

Особый интерес вызывает вариативность в области предложно-падежного управления. Современная речь демонстрирует экспансию предлога по в сочетании с дательным падежом в значениях, где традиционно использовались другие конструкции (например, «информация по выплатам» вместо «о выплатах»). Морфологическая вариативность в таких случаях служит сигналом упрощения синтаксических связей, когда существительное в дательном падеже становится стандартным ответом на запрос об уточнении темы.

Вариативность форм именительного падежа множественного числа на -а/-я (вместо -ы/-и) также находит новую почву. Если раньше формы типа инструктора́, редактора́ были жестко привязаны к профессиональному социолекту, то в современной публичной речи они всё чаще претендуют на нейтральность. Критики, ориентированные на прескриптивную норму, видят в этом «канцелярит» или порчу языка, однако системный взгляд позволяет увидеть здесь действие закона аналогии: продуктивная модель на -а (как в словах глаза, берега) постепенно захватывает новые лексемы, делая парадигму более единообразной и экспрессивно акцентированной. Морфология существительного в эпоху «цифры» превращается в гибкий конструктор. Вариативность перестает быть помехой для коммуникации и становится средством социальной идентификации говорящего. Выбор той или иной формы флексии в комментариях или мессенджерах служит маркером принадлежности к определенной группе — от «цифровых кочевников» до хранителей академической традиции.

Глубинные процессы в морфологии существительных затрагивают не только внешние окончания, но и такие фундаментальные категории, как одушевленность/неодушевленность. В классической лингвистике, эта категория считалась относительно стабильной, детерминированной биологической или логической природой объекта. Однако современная речевая практика демонстрирует любопытные сдвиги. В компьютерном сленге, переходящем в общую норму, названия программ или технических агентов (типа вирус, бот, троян) начинают склоняться по модели одушевленных имен (вижу бота, удалил вируса). Здесь мы сталкиваемся с тем, что филолог Михаил Панов называл «антропоморфным давлением» на грамматику. Существительное в современной речи наделяется признаком одушевленности не по биологическому факту, а по функциональной активности объекта. Если объект обладает «волей» в цифровом пространстве, морфология мгновенно реагирует на это изменением

винительного падежа⁴. С другой стороны, наблюдается и обратный процесс — деперсонализация в официально-деловом стиле, где названия лиц в определенных конструкциях стремятся к неодушевленным формам (например, в юридических текстах: «использовать данный персонал» вместо «данных сотрудников»). Эта вариативность подчеркивает прагматический характер современной грамматики: выбор формы диктуется не только правилом, но и отношением говорящего к предмету речи.

Не менее значимым аспектом вариативности является акцентологическая подвижность в падежных парадигмах. Ударение в русском языке тесно связано с морфологическим обликом слова. Критики языковых изменений, указывают на то, что перемещение ударения часто служит сигналом грамматической перестройки. Мы видим это в конкуренции форм стрó ки — строки́ , срé дства — средствá . Вариативность здесь выполняет функцию стилистического фильтра: традиционная норма удерживает ударение на корне, в то время как живая речь стремится перенести его на окончание, уподобляя слово более массовым и продуктивным моделям.

Рассматривая вариативность родительного падежа множественного числа, нельзя не заметить хаос в формах существительных, обозначающих единицы измерения, национальности или овощи/фрукты (пять грамм — граммов, пять апельсин — апельсинов). Несмотря на жесткое сопротивление словарей, форма с «нулевым окончанием» (грамм, килограмм) фактически вытеснила нормативную в устном дискурсе. Носитель языка интуитивно стремится к краткости. Если контекст (числительное) уже указывает на множественность, окончание -ов воспринимается как избыточное. Это яркий пример морфологической экономии, где вариативность разрешается в пользу наиболее лаконичного варианта, который со временем неизбежно закрепится как единственно верный. Морфологическая система существительного сегодня напоминает лабораторию, где старые парадигмы проверяются на прочность. Колебания в одушевленности и акцентологии — это не случайные сбои, а симптомы перенастройки языкового механизма, стремящегося к максимальной функциональности в условиях сверхбыстрой передачи информации.

Вариативность, которую мы наблюдаем в категориях рода, числа и падежа, не является симптомом системного распада. Напротив, это свидетельство жизнеспособности языка, его способности адаптироваться к новым коммуникативным условиям, будь то цифровая среда или социальные трансформации. Основные векторы изменений указывают на стремление системы к прагматизму и экономии. Мы видим, как «тяжелые», избыточные флексии постепенно уступают место более лаконичным формам (как в случае с

⁴ Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. — М.: Наука, 1999. — С. 210–215.

родительным падежом множественного числа), а строгие родовые классификации становятся более гибкими под давлением социокультурных факторов (феминитивы, заимствования). Морфологическая вариативность сегодня — это не хаос, а сложный процесс саморегуляции. Будущее русского существительного видится в упрощении парадигм и легализации вариантов, которые уже де-факто стали нормой в живой, спонтанной речи. Изучение этих процессов позволяет не только фиксировать текущее состояние языка, но и прогнозировать его развитие как открытой, динамично развивающейся системы.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017.
3. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М.: Наука, 1989.
4. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. — М.: Наука, 1999.
5. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — Л.: Наука, 1987.